

первоначальную юридическую выработку и географическое распространение рабства въ языческой Руси, авторъ старается обстоятельно изобразить юридическій строй жизни русскихъ славянъ, внимательно останавливается на вопросѣ объ ихъ родовомъ бытѣ, разбираетъ извѣстія объ ихъ экономическомъ положеніи и внѣшнихъ международныхъ отношеніяхъ. Въ четырехъ остальныхъ главахъ, переходя ко второй важнѣйшей части своей задачи, авторъ описываетъ вліяніе принесенныхъ изъ Византіи началъ греко-римскаго права и христіанскаго ученія на русское рабство, какъ оно сложилось ко времени принятія христіанства Русью. По связи съ этими вопросами авторъ въ V главѣ, вслѣдъ за ученіемъ Евангелія о рабствѣ, въ сжатыхъ, но обстоятельныхъ очеркахъ излагаетъ при пособіи Валлона (Wallon, Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, t. III.) вытекающей изъ этого ученія взглядъ отцовъ Церкви на рабство, а потомъ при помощи непосредственнаго изученія памятниковъ византійскаго права—законодательство византійскихъ императоровъ о рабствѣ. Эти вводные очерки помогли автору шире и яснѣе взглянуть на главный предметъ изслѣдованія.

Авторъ дѣлитъ исторію русскаго рабства на два неравные періода. Первый періодъ продолжается у него до конца XV вѣка: это—время полнаго рабства, „рабства въ собственномъ смыслѣ слова“. Тогда Церковь только еще подготавливала тѣ смягченія, которыя потомъ при ея участіи были внесены въ этотъ институтъ. Второй періодъ—два вѣка съ небольшимъ (конецъ XV—начало XVIII в.). Это—время смягченія рабства, „исторія холопства“ (стр. 31). Авторъ сосредоточилъ свое вниманіе на первомъ періодѣ; но изложенный имъ во введеніи общій взглядъ на исторію древнерусскаго холопства показываетъ, что онъ обдумывалъ и дальнѣйшую судьбу этого учрежденія, собирая матеріалы для изученія второго періода его исторіи. Вліяніе Церкви на переработку холопства въ продолженіе перваго періода

изображено авторомъ очень подробно и большею частью основательно. Онъ жѣтко различилъ вліяніе принесеннаго византійскимъ духовенствомъ на Русь греко-римскаго права и вліяніе нравственнаго ученія Церкви на русское рабство; первое вліяніе усиливало юридическую суровость, холопскій неволи, второе смягчало ее въ жизни и въ правѣ. Излагая ходъ этого дѣла, авторъ съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдилъ за возвышающимъ дѣйствіемъ Церкви на уровень общественнаго сознанія и порядка и старался не проронить никакого историческаго указанія, отсутствіе котораго могло бы затемнить или умалить это дѣйствіе. Въ объясненіи сложныхъ явленій, подлежавшихъ изслѣдованію, авторъ при выдающейся любознательности и напряженности мысли обнаружилъ основательное знакомство съ разнообразными источниками исторіи, преимущественно церковной, равно какъ и съ научными пособіями даже по смежнымъ съ церковной исторіей отраслямъ знанія. Рассматриваемый трудъ не свободенъ отъ сдѣланныхъ поспѣшно выводовъ и обобщеній; но вообще въ немъ особенно явственно выступаетъ способность автора вникать въ сущность изучаемаго предмета, разбирать происхожденіе, составъ, условія развитія и слѣдствія изучаемаго историческаго явленія. Ко всему этому надобно присоединить живое, ясное и большею частью точное изложеніе, нерѣдко обнаруживающее признаки литературнаго таланта.

Все это даетъ основаніе признать сочиненіе С. Смирнова весьма удовлетворительнымъ“.

О сочиненіи студента *Успенскаго Сергія* на тему: „Крестьянинъ Посошковъ и его сужденіе о религіи и духовенствѣ“:

„Изложивъ въ двухъ первыхъ главахъ сочиненія обстоятельныя біографическія и критико-библіографическія свѣдѣнія о Посошковѣ и тѣхъ его произведеніяхъ, гдѣ онъ высказываетъ свои сужденія о религіи и духовенствѣ, осо-

бенно о качествахъ образцоваго духовнаго пастыря, авторъ въ двухъ остальныхъ главахъ подробно излагаетъ эти сужденія большою частью словами самаго Посошкова. Авторъ превосходно воспользовался довольно значительной литературой о Посошковѣ, но оцѣнка изложенныхъ въ сочиненіи сужденій Посошкова едвали вполне удовлетворить читателя. Авторъ разсматриваетъ этого писателя, какъ настоящаго, притомъ современнаго богослова и, разумѣется, нигдѣ не ужившіяся крестьянинъ начала XVIII в. Посошковъ не выдерживаетъ такой критики. Имѣя въ виду „Зеркало“, капитальное полемическое произведеніе Посошкова, направленное противъ раскольниковъ и лютеранъ, авторъ замѣчаетъ (стр. 210), что „полемика Посошкова слишкомъ мелочная, дробная, частичная“, что Посошковъ не принимаетъ вопроса въ основномъ, принципиальномъ значеніи, во всемъ его широкомъ объемѣ. Гдѣ же ему принимать такъ вопросъ—ему, крестьянину-самоучкѣ Посошкову, технику, винокуру! Притомъ основныя религіозныя воззрѣнія Посошкова изложены не въ богословскомъ трактатѣ, а въ „Завѣщаніи Отческому“ въ задушевномъ наставленіи отца сыну. Автору приходилось имѣть дѣло не съ ученымъ богословомъ, а съ характернымъ явленіемъ въ исторіи русскаго религіознаго сознанія, и онъ самъ ясно понималъ, что имѣеть дѣло съ такимъ явленіемъ, когда писалъ, что „все религіозно-церковное міровоззрѣніе Посошкова находится въ прямой связи съ господствовавшими религіозно-церковными воззрѣніями и религіозно-нравственнымъ состояніемъ современнаго ему русскаго общества (стр. 216)“. Съ этой стороны, казалось бы, и слѣдовало подступить къ Посошкову. Этотъ писатель—характерный образчикъ, по которому можно судить, до какого уровня могъ подняться въ религіозномъ сознаніи собственными усиліями при помощи наличныхъ общедоступныхъ средствъ русскій чело-вѣкъ начала XVIII вѣка,—не церковный пастырь или от-

пѣльникъ, а простой русскій мирянинъ, только умный и мыслящій. Въ своей оцѣнкѣ сочиненій Посошкова авторъ высказываетъ два вывода: 1) чтобы уяснить религіозно-нравственное состояніе современнаго ему русскаго общества, 2) характеризуя съ этой стороны Посошкова, какъ типичнаго представителя известной среды, мы изображаемъ общее состояніе умственно-религіозной жизни на той ступени ея развитія, какой она достигла къ первымъ годамъ XVIII вѣка. Этими выводами авторъ заканчиваетъ свое сочиненіе, которое лучше отвѣчало бы на вопросъ, если бы ими начиналось.

Впрочемъ и въ настоящемъ своемъ видѣ оно можетъ быть признано очень хорошимъ“.

3) Ординарнаго профессора Академіи Евгенія Голубинскаго.

О сочиненіи студента *Булгакова Ивана* на тему: „О борьбѣ такъ называемыхъ Иосифлянъ съ такъ называемыми заволжскими старцами“.

Сочиненіе г. Булгакова состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ. Во введеніи авторъ говоритъ о происхожденіи партій Иосифлянской и Заволжскихъ старцевъ и характеризуетъ направленіе той и другой изъ нихъ. Въ первой главѣ авторъ говоритъ о создателѣ Иосифлянской партіи: преп. Иосифѣ Волоколамскомъ. Во второй главѣ онъ говоритъ о представителѣ партіи Заволжскихъ старцевъ преп. Нилѣ Сорскомъ. Въ третьей главѣ излагаетъ литературную полемику между Иосифлянами и Заволжцами и именно по вопросамъ: объ ереси Жидовствующихъ, о монастырскихъ вѣщинахъ и о вдовыхъ священникахъ. Въ четвертой главѣ излагаетъ исторію борьбы между партіями, веденой при дворѣ великаго князя, съ цѣлію привлеченія государя одною и другою изъ нихъ на свою сторону.

Предметъ сочиненія г. Булгакова, принадлежащій къ числу предметовъ, уже достаточно изслѣдованныхъ, изученъ имъ

при руководствѣ существующихъ изслѣдованій, съ большою старательностію и малагается имъ съ должною полнотою и въ надлежащей послѣдовательности частныхъ матерій или по удовлетворительному плану. Сужденія г. Будгакова, въ наибольшей ихъ части отличаются продуманной основательностію. Вредятъ достоинству сочиненія нѣкоторыя частныя довольно грубыя погрѣшности, въ родѣ того, что Заволжскіе старцы получили свое названіе отъ Вологды, что Максимъ Грекъ присланъ былъ въ Россію султаномъ турецкимъ. Но свободно также сочиненіе и отъ погрѣшностей въ языкѣ.

Сображая достоинства сочиненія съ его недостатками, нахожу справедливымъ отнести его къ числу сочиненій хорошихъ.

О сочиненіи студента *Георгіевскаго Павла* на тему: „Антоній Подольскій, противникъ архимандрита Діонисія относительно исключенія прибавки въ богоявленской молитвѣ слова: „и огнемъ“.

Г. Георгіевскому дана была тема для кандидатскаго сочиненія: „Антоній Подольскій“, противникъ архимандрита Діонисія относительно исключенія прибавки въ богоявленской молитвѣ слова: „и огнемъ“. Такъ и озаглавиваетъ г. Георгіевскій свое сочиненіе. Но на самомъ дѣлѣ послѣднее написано имъ не на эту тему, а на тему гораздо обширнѣйшую, которая должна быть выражена словами: „Исправленіе потребника и другихъ богослужебныхъ книгъ архимандритомъ Діонисіемъ съ сотрудниками и противникъ сдѣланнаго ими исключенія изъ богоявленской молитвы слова: „и огнемъ“ Антоній Подольскій“. Важнѣйшее въ дѣятельности Антонія Подольскаго составляютъ полемика съ архимандритомъ Діонисіемъ и его сотрудниками по поводу исключенія ими изъ богоявленской молитвы прибавки: „и огнемъ“, а поэтому, говоря объ Антоніи Подольскомъ, необходимо, конечно, говорить и объ исправленіи книгъ архимандритомъ Діонисіемъ. Но когда давалась тема г. Георгіевскому, то предполагалось, что объ исправленіи книгъ Діонисіемъ онъ скажетъ

кратко, во введеніи. Г. Георгіевскій рѣшилъ поступать иначе, а именно такъ, чтобы вести объ исправленіи книгъ архимандритомъ Діонисіемъ совершенно нарочитыя рѣчи, какъ будто бы оно (исправленіе) составляло дѣйствительный предметъ его темы; почему и большая часть его сочиненія посвящена не Антонію Подольскому, а Діонисіеву исправленію книгъ. Если бы это произвольное расширеніе темы было въ ущербъ изученію того, что составляло дѣйствительно данный автору для изслѣдованія предметъ, тогда онъ не заслуживалъ бы похвалы за свое своеволие. Но у г. Георгіевскаго весьма значительное «расширеніе темы» нисколько не послужило въ ущербъ изученію имъ того, что составляло дѣйствительно данный ему для изслѣдованія предметъ. А въ виду этого мы и не считаемъ себя въ правѣ порицать его за произвольное весьма значительное расширеніе темы, что было съ его стороны произвольнымъ весьма значительнымъ увеличеніемъ своего труда.

Сочиненіе г. Георгіевскаго до исключительности обширное по своему объему (1297 страницъ текста и 140 страницъ приложений) состоитъ изъ введенія и семи главъ. Во введеніи дѣлается общее обзорѣніе времени архимандрита Діонисія и Антонія Подольскаго, именно—конца XVI—начала XVII вѣка. Въ главѣ первой дается общій обзоръ книжнаго исправленія на Руси до архимандрита Діонисія. Въ главѣ второй—о книгопечатаніи въ Москвѣ въ продолженіе смутнаго времени и въ царствованіи Михаила Ѳеодоровича. Въ главѣ третьей—о методѣ архимандрита Діонисія при его книгоисправительныхъ работахъ и о самомъ исправленіи имъ книгъ. Въ главѣ четвертой—о представленіи Діонисіемъ совершеннаго имъ съ сотрудиками исправленія книгъ завѣдывавшему дѣлами русской церкви за избытностію на Москвѣ патриарха митрополиту Сарскому Іонѣ, о судѣ надъ нимъ съ сотрудиками и осужденіи ихъ всѣхъ. Въ главѣ пятой—о томъ, какъ могла возникнуть

и когда именно была сдѣлана прибавка въ богоявленской молитвѣ слова: „и огнемъ“. Въ главѣ шестой—о мнимыхъ догматическихъ доводахъ, которыми думали отстаивать слово „и огнемъ“ защитники этой прибавки, —объ Антоніи Подольскомъ, который собралъ въ одно мѣсто и научно систематизировалъ сейчасъ указанные доводы, именно, —біографическія о немъ свѣдѣнія, возможное возстановленіе не дошедшаго до насъ въ подлинникѣ его слова объ огнѣ просвѣтительномъ, написаннаго противъ архимандрита Діонисія съ сотрудниками и критическій разборъ слова вмѣстѣ съ разборомъ написаннаго противъ него сочиненія, принадлежащаго одному изъ сотрудниковъ архимандрита Діонисія, священнику Іоанну Насѣдѣ. Въ главѣ седьмой—объ оправданіи Діонисія съ сотрудниками прибывшимъ изъ польскаго плѣна патріархомъ Филаретомъ и объ изглаженіи патріархомъ прибавки въ богоявленской молитвѣ слова „и огнемъ“, о дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ Антонія Подольскаго кромѣ слова объ огнѣ просвѣтительномъ и о судьбѣ его, равно какъ и другихъ враговъ Діонисіева исправленія, послѣ оправданія Діонисія съ сотрудниками патр. Филаретомъ.

Такимъ образомъ, сочиненіе г. Георгіевскаго состоитъ изъ двухъ неравныхъ половинъ: меньшей половины, написанной на данную ему тему, и большой половины, написанной сверхъ данной ему темы. Къ меньшей половинѣ, написанной прямо на данную ему тему, относится, кромѣ рѣчей объ Антоніи Подольскомъ въ шестой и седьмой главахъ сочиненія, еще введеніе въ послѣднее, цѣль котораго указать существованіе у русскихъ конца XVI—начала XVII вѣка такихъ взглядовъ въ области религіозной, которые дѣлали возможною прибавку въ богоявленской молитвѣ слова: „и огнемъ“. Относительно введенія въ сочиненіе должно быть сказано, что недостаточно ясно и отчетливо представляется авторомъ это дѣло о своеобразныхъ взглядахъ существовавшихъ у русскихъ указаннаго времени, о которыхъ

ведеть онъ рѣчь, и что есть у него здѣсь лишнее, не совсѣмъ идущее къ дѣлу. Разысканія о самомъ Антоніи Подольскомъ отличаются весьма большею старательностью, а сообщаемыя о немъ свѣдѣнія и дѣлаемыя о немъ разсужденія отличаются большею полнотою и достаточной основательностію. Впрочемъ, есть у него при этомъ и такія частныя мнѣнія, которыхъ нельзя признать удовлетворительными. Укажемъ на одно изъ такихъ мнѣній наиболее бросающееся въ глаза. Не соглашаясь съ большинствомъ изслѣдователей, чтобы Антоній Подольскій происходилъ изъ южно-русской области Подолія и рѣшительно принимая, что онъ былъ уроженецъ села Подола московской области, нынѣшняго города Подольска московской губерніи (стр. 800), г. Георгіевскій въ отвѣтъ на вопросъ: гдѣ же Антоній Подольскій, бывъ уроженцемъ села Подола, могъ получить свое очень хорошее образованіе, дѣлаетъ предположеніе, что въ селѣ Подолѣ существовала школа, соответствующая нынѣшней средней школѣ (стр. 814, 817). Т. е. Георгіевскій предполагаетъ существованіе въ селѣ Подолѣ средней школы въ такое время, когда не было ни одной такой школы во всей московской Руси (и когда еще и наше время не думаетъ мечтать о чемъ-либо подобномъ)! Крайняя странность, чтобы не сказать болѣе, такого предположенія для всякаго понятія. (Не говоримъ о томъ, что при семъ авторъ вовсе не даетъ отвѣта на вопросъ: какъ же уроженецъ села, которое принадлежало одному монастырю и въ которомъ жили только крестьяне и бобыли, могъ стать подъячѣмъ, каковымъ, по весьма вѣроятнымъ предположеніямъ автора, былъ Антоній Подольскій).

Если бы исторія исправленія богослужебныхъ книгъ архим. Діонисіемъ не была уже вполне изслѣдована: то добровольное принятіе на себя г. Георгіевскимъ изложенія этой исторіи справедливо было бы признать за истинный съ его стороны подвигъ. Но хотя исторія исправленія богослужебныхъ

книгъ архим. Діонисіемъ и совершенно уже изслѣдована, такъ что г. Георгіевскому оставалось воспроизводить готовое, однако и въ семъ случаѣ добровольное принятіе имъ на себя труда изложить исторію, въ виду ея обширности, не можетъ не быть признано за проявленіе его исключительнаго трудолюбія. При этомъ онъ не ограничился только тѣмъ, чтобы именно лишь воспроизводить готовое, но въ болѣе или менѣе значительной степени произвелъ повѣрку дѣла по первоисточникамъ. О достоинствѣ этой большей части сочиненія г. Георгіевскаго должно быть сказано, что, не свободная отъ недостатковъ, въ общемъ она должна быть признана удовлетворительною. Въ исторіи исправленія богослужбныхъ книгъ архим. Діонисіемъ есть вопросы, которые остаются не рѣшенными положительно и относительно которыхъ существуютъ спорныя мнѣнія. Нельзя сказать, чтобы г. Георгіевскій всегда достаточно образно доказывалъ наибольшую основательность мнѣній, которыя онъ принимаетъ. Такъ, онъ рѣшительно утверждаетъ, что архим. Діонисій и одинъ изъ его сотрудниковъ — старецъ Арсеній Глухой знали греческій языкъ. Но въ пользу своего мнѣнія, онъ приводитъ лишь тѣ же недостаточныя доказательства, которыя уже извѣстны были и прежде.

Не могу отозваться съ совершенной похвалою о внѣшнемъ, литературномъ достоинствѣ сочиненія: вредить ему наклонность автора къ искусственности и вычурности и вообще къ риторикѣ въ неодобрительномъ смыслѣ этого слова.

Обширное до исключительности по объему и, хотя не свободное отъ недостатковъ, но въ общемъ удовлетворительное по качеству, сочиненіе г. Георгіевскаго справедливо должно быть признано за сочиненіе почти очень хорошее.

О сочиненіи студента *Луппова Павла* на тему: „Исторія распространенія и утвержденія христіанства среди Вотяковъ по XVIII вѣкѣ“.

Большинство Вотяковъ живетъ въ Вятской губерніи.

Г. Лупповъ есть уроженецъ той же Вятской губерніи. Этимъ и объясняется его желаніе взять темой для кандидатскаго сочиненія исторію распространенія и утвержденія христіанства среди Вотяковъ.

Такъ какъ до сихъ поръ обнародовано въ печати еще очень недостаточное количество матеріаловъ для исторіи распространенія и утвержденія христіанства среди Вотяковъ, то исполненіе желанія писать эту исторію было возможно только подъ условіемъ изученія матеріаловъ рукописныхъ; хранящихся въ архивахъ. У г. Луппова давно родилось его желаніе, а поэтому онъ, пользуясь ваканціями во время ученія въ Академіи, постарался изучить рукописные матеріалы относительно исторіи распространенія и утвержденія христіанства среди Вотяковъ, хранящіеся въ архивѣ вятской духовной консисторіи и другихъ вятскихъ присутственныхъ мѣсть. Такимъ образомъ онъ и сдѣлалъ возможнымъ для себя осуществленіе своего желанія взять темой для кандидатскаго сочиненія исторію распространенія и утвержденія христіанства среди Вотяковъ.

Сочиненіе г. Луппова очень обширное по объему (626 страницъ текста и 130 страницъ приложеніи) состоитъ изъ введенія и десяти главъ. Во введеніи авторъ говоритъ о желаемости и пользѣ видѣть написанною исторію распространенія и утвержденія христіанства среди Вотяковъ, о трудности написанія этой исторіи и о матеріалахъ, печатныхъ и рукописныхъ, которые находятся въ распоряженіи желающаго предпринять писаніе исторіи и которые именно находились въ его (автора) распоряженіи. Въ главѣ первой авторъ даетъ краткій очеркъ исторіи Вотяковъ, начиная съ древнѣйшихъ извѣстій о нихъ и до настоящаго времени. Въ главахъ второй и третьей авторъ говоритъ о распространеніи христіанства среди Вотяковъ вятской области отъ прибытія въ нее русскихъ колонистовъ (не позднѣе второй половины XIII вѣка) до начала XVIII вѣка. Въ главѣ чет-

вертой авторъ говоритъ о распространеніи христіанства среди Вотяковъ казанскаго края со времени покоренія послѣдняго московскими государями (1552 г.) до учрежденія Новокрещенской конторы въ 1740 году. Въ главѣ пятой авторъ излагаетъ исторію обращенія въ христіанство Вотяковъ вятской епархіи съ начала XVIII вѣка до учрежденія той же Новокрещенской конторы. Въ главахъ шестой и седьмой авторъ излагаетъ исторію распространенія христіанства среди Вотяковъ казанскіихъ и вятскіихъ за время существованія Новокрещенской конторы (1740—1764 гг.). Въ главѣ восьмой авторъ излагаетъ исторію распространенія христіанства среди тѣхъ и другихъ Вотяковъ въ періодъ времени 1764—1799 годовъ. Въ главахъ девятой и десятой авторъ говоритъ о мѣрахъ церкви и гражданскаго правительства къ утвержденію крещенныхъ Вотяковъ въ христіанской вѣрѣ.

Едва ли кто будетъ спорить противъ того, что обстоятельная, насколько это возможно, исторія распространенія православнаго христіанства среди разныхъ инородцевъ, населяющихъ русское государство, очень и очень желательна. Трудъ г. Луппова, задуманный и совершенный имъ изъ побужденій патріотическихъ (какъ вятскимъ уроженцемъ) представляетъ собою одну изъ частей этой желательной исторіи, о которой (части) справедливость требуетъ отзываться не иначе какъ съ рѣшительною похвалою. При недостаточности времени авторъ не имѣлъ возможности изложить своего обширнаго предмета съ совершенною обстоятельностью во всѣхъ частностяхъ. Но частности, которыхъ не успѣлъ онъ обстоятельно изложить въ текстѣ сочиненія, все-таки не опущены имъ, а сжато занесены въ примѣчанія. Отличаясь внутреннимъ качествомъ основательности въ изслѣдованіи предмета, сочиненіе г. Луппова отличается и внѣшнимъ качествомъ литературности въ отношеніи языка. Вообще сочиненіе, представляющее собою трудъ серьез-

ный и цѣнный, таково по своимъ внутреннимъ и вѣшнимъ достоинствамъ, что справедливо должно быть отнесено къ числу сочиненій очень хорошихъ.

О сочиненіи студента *Никольскаго Кожемякина* именуемаго Гермогенъ, патриархъ Московскій и всея Россіи.

Сочиненіе г. Никольскаго состоитъ, послѣ краткаго введенія изъ пяти главъ. Въ первой главѣ авторъ дѣлаетъ характеристичную смутной эпохи, начавшейся явленіемъ перваго самозванца въ 1604 году и окончившейся избраніемъ въ цари Михаила Феодоровича въ 1613 году. Во второй главѣ авторъ говоритъ о жизни и дѣятельности Гермогена до его поставленія въ патриархи (въ санѣ приходскаго священника города Казани, въ санѣ архимандрита Казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря и въ санѣ митрополита Казанскаго). Въ третьей главѣ авторъ говоритъ о поставленіи Гермогена въ патриархи (3 іюля 1606 г.) и излагаетъ государственную дѣятельность его отъ поставленія въ патриархи до низведенія царя Василя Ивановича Шуйскаго съ престола (17 іюля 1610 г.). Въ четвертой главѣ авторъ излагаетъ государственную дѣятельность Гермогена отъ низведенія Василя Ивановича Шуйскаго съ престола до его — патриарха мученической кончины (17 февраля 1612 года). Пятую главу авторъ посвящаетъ церковно-правительственной дѣятельности Гермогена и его литературнымъ трудамъ.

Во введеніи къ сочиненію г. Никольскій говоритъ, что доселѣ еще нѣтъ сколько-нибудь порядочнаго жизнеописанія патр. Гермогена (стр. 5). Но понимать эти слова его въ томъ смыслѣ, что данная ему тема еще совсѣмъ не разработана и что ему предстояла самостоятельная для ней работа, было бы далеко не справедливо. Хорошаго жизнеописанія патриарха Гермогена дѣйствительно до сихъ поръ еще нѣтъ (и если бы оно существовало, то не была бы дана г. Никольскому и его тема), но вся дѣятельность патриарха

Гермогена; какъ государственная, такъ и церковная, приведена въ полную извѣстность и достаточно оцѣнена. По сей часъ, сказанному отъ г. Никольскаго требовалось преимущественнымъ образомъ не самостоятельное изученіе и изслѣдованіе жизни и дѣятельности патріарха Гермогена; а возможно полное сведеніе въ одно мѣсто, возможно обстоятельная передача и возможно надлежащее изложеніе того, что уже существуетъ въ готовомъ видѣ изученнаго и изслѣдованнаго. Сей часъ указанную свою задачу г. Никольскій выполнилъ очень удовлетворительнымъ образомъ: онъ излагаетъ дѣятельность патр. Гермогена — по отношенію ко всему ея объему полно, по отношенію къ ея частностямъ обстоятельно и съ внѣшней стороны или въ матеріальномъ отношеніи языкомъ сравнительно очень хорошимъ.

Сочиненіе хотя и не требовавшее отъ автора самостоятельной работы въ собственномъ смыслѣ этого слова, но во всякомъ случаѣ требовавшее отъ него немалого усердія и труда; равно какъ и свидѣтельствующее объ его талантѣ, должно быть признано за сочиненіе почти очень хорошее.

О сочиненіи студента *Пятикрестовскаго Александра* на тему: „Филиппъ I, митрополитъ московскій и всея Россіи“. Сочиненіе г. Пятикрестовскаго состоитъ изъ восьми главъ. Въ первой главѣ — рѣчь объ избраніи Филиппа въ митрополиты и „нѣсколько словъ о современномъ ему политическомъ и церковномъ состояніи Руси“. Во второй — четвертой главахъ — о церковной и государственной дѣятельности митр. Филиппа, именно о вмѣшательствѣ его въ раздоръ московскаго духовенства съ архіепископомъ новгородскимъ, объ его усилии сградить права архіепископа Новгородскаго отъ посягательства Новгородскихъ гражданскихъ властей и вообще мирянъ, объ его стараніяхъ удержатъ Новгородцевъ, намѣревавшихся отдаться подъ власть польскаго короля, въ вѣрности отеческому православію и

московскому великому князю, — объ его заботахъ; охранить достоинство и честь отечественной церкви по поводу пріѣзда въ Россію съ Софіей Палеологъ папскаго кардинала. Въ пятой главѣ — о началѣ строенія митр. Филиппомъ до-ваго Успенскаго собора въ Москвѣ. Въ шестой главѣ — объ его литературныхъ трудахъ. Въ седьмой главѣ — о его вотчинно-владѣльческой дѣятельности. Въ восьмой главѣ — объ его смерти и погребеніи съ общей его характеристикой.

Тема, данная г. Пятикрестовскому для сочиненія, не можетъ быть названа слишкомъ обширною по объему, и слишкомъ, трудною по содержанію, ибо Филиппъ I занималъ митрополичью кафедру не особенно долго (1464—1473) и не совершилъ дѣлъ слишкомъ важныхъ и вообще такихъ, которыя бы обязывали изслѣдователя къ болѣе или менѣе серьезной надъ ними работѣ. Не могу сказать, чтобы г. Пятикрестовскій обработалъ свою сравнительно не очень обширную и не очень трудную тему съ такою тщательностію, которая бы не оставяляла желать ничего большаго. Но несомнѣнно, что авторъ трудился надъ своимъ дѣломъ, а относительно достоинства труда во всякомъ случаѣ должно быть сказано, что авторъ излагаетъ свой предметъ достаточно полно и обстоятельно. Есть у автора мнѣнія, съ которыми можно не согласиться, напр. будто митр. Филиппъ по образу своихъ мыслей относительно церковнаго вотчино-владѣнія принадлежалъ къ такъ называемымъ Заволжскимъ старцамъ, но нѣтъ у него мнѣній, которыя бы прямо должно было назвать неправильными.

Вообще нахожу, что авторъ заслуживаетъ быть удостоеннымъ за свое сочиненіе степени кандидата богословія.

О сочиненіи студента *Тихомирова Ивана* на тему: „Ересь стригольниковъ“.

Сочиненіе г. Тихомирова состоитъ изъ шести главъ. Въ первой главѣ — очеркъ религіознаго сознанія русскаго общества въ XIV и XV вѣкахъ. Во второй главѣ — объ

основахъ секты, стригольниковъ, о мѣстѣ и времени ея возникновенія и ея названіи, объ ученіи сектантовъ и о развитіи послѣдняго по мѣрѣ теченія времени. Въ третьей и четвертой главахъ — разборъ существующихъ взглядовъ на ересь жидовствующихъ и о сущности религіознаго движенія, извѣстнаго подъ именемъ жидовства. Въ пятой главѣ — о причинахъ, вызвавшихъ стригольническое движеніе. Въ шестой главѣ — исторія этого движенія, о мѣрахъ, которыя были принимаемы для его подавленія и объ его значеніи въ дальнѣйшей исторіи религіознаго сознанія русскаго общества.

Не можетъ быть признанъ современно удовлетворительнымъ планъ сочиненія г. Тихомирова. Послѣ рѣчей о стригольничествѣ онъ дѣлаетъ вставку о жидовствѣ, а потомъ опять возвращается къ стригольничеству. Вслѣдствіе сего вторыя его рѣчи о стригольничествѣ являются до нѣкоторой степени повтореніемъ первыхъ, а рѣчи о жидовствѣ, поставленныя не на мѣстѣ, много утрачиваютъ того значенія, которое придаетъ имъ авторъ. Изъ нѣсколькихъ мнѣній, существующихъ относительно причинъ, вызвавшихъ стригольничество и относительно ученія сектантовъ авторъ держится того мнѣнія, которое принято у церковныхъ историковъ, именно — что стригольничество представляло собою расколъ, вызванный существованіемъ платы за поставленіе въ церковныя степени и недостойною жизнію того или другаго числа священниковъ и что ученіе сектантовъ состояло въ оглашеніи на основаніи сейчасъ указаннаго всѣхъ пастырей церкви за неистинныхъ пастырей, съ которыми не должно находиться въ общеніи. Но что касается до значенія стригольничества въ исторіи послѣдующихъ нашихъ ересей, то авторъ, идя, такъ сказать, нѣсколько далѣе церковныхъ историковъ и соглашаясь съ нѣкоторыми спеціальными изслѣдователями нашихъ ересей XV—XVI в., принимаетъ мнѣніе, что ересь жидовствующихъ представ-

явилъ собою не что иное, какъ доведенное до крайности стригольничество или иначе сказать — что доведенное до крайности стригольничество выразило себя въ видѣ ереси жидовствующихъ. Нельзя сказать, чтобы авторъ твердо доказывалъ послѣднее свое мнѣніе; есть у него тутъ и противорѣчія себѣ, именно, что онъ считаетъ представителями доведеннаго до крайности стригольничества то одну половину жидовствующихихъ, то всѣхъ ихъ; впрочемъ не можетъ быть отказано аргументаціи автора и въ относительной основательности, тѣмъ болѣе не можетъ быть сказано, чтобы онъ принималъ свое мнѣніе зря, потому только, что оно случайно попало къ нему.

Не свободное кромѣ указаннаго отъ нѣкоторыхъ частныхъ недостатковъ, каковы — ошибочныя частныя положенія, невѣрныя частныя свѣдѣнія, частныя противорѣчія себѣ, сочиненіе г. Тихомирова свидѣтельствуетъ объ его похвальномъ усердіи къ дѣлу и представляетъ собою трудъ серьезный, заслуживающій одобренія, такъ что справедливо должно быть отнесено къ разряду сочиненій хорошихъ.

Ординарнаго профессора Академіи Алексѣя Лебедева.

О кандидатскомъ сочиненіи студента *Цопова Сергѣя* на тему: „Ректоръ Московской Духовной Академіи А. В. Горскій (Опытъ біографическаго очерка).“

Сочиненіе писано на денежную премію преосвщ. Николая, епископа Алеутскаго и Аляскайскаго. — Оно имѣетъ такое содержаніе. Введеніе. Части I-й гл. 1: Краткія свѣдѣнія объ отцѣ и матери Горскаго, ихъ домашней и семейной жизни; домашнее воспитаніе и образованіе его; поступленіе его въ Академію; Академія того времени, когда онъ учился въ ней: внѣшній видъ и устройство Академіи, внутренніе порядки — административныя и учебныя, бытъ студентовъ; знакомство Горскаго съ Ѳ. А. Голубинскимъ; четыре года ученія его въ Академіи, ходъ его развитія и его успѣхи (1828—1832 г.). Глава 2-я: Поступленіе Гор-

скаго на службу въ Московскую семинарію, замѣчанія о состояніи преподаванія здѣсь, преподаваніе Горскимъ церковной исторіи; жизнь его на этомъ мѣстѣ служенія, переписка его съ Ѳ. А. Голубинскимъ и переходъ его на службу въ Академію; домашнія ученые занятія его на первыхъ порахъ въ Академіи (заботы родителей о его здоровѣ), поѣздки его домой (въ Кострому); Горскій въ должности секретаря; митрополитъ Филаретъ и экзамень по его предмету (Церк. исторія); быстрое возвышеніе Горскаго по службѣ и первыя ученые порученія ему; семейныя несчастія; путешествіе Горскаго и ректора Филарета (Гумилевскаго) по ближайшимъ монастырямъ съ ученою цѣлью; неосуществившееся намѣреніе Горскаго принять монашество (въ 1840 г.), возникновеніе академическаго журнала и отношеніе къ нему Горскаго; почему Горскій принимаетъ на себя обязанность академическаго библиотекаря; поѣздка его въ Саввинъ Сторожевскій монастырь; планы Горскаго занять мѣсто настоятеля посольской церкви въ Константинополь, — и совершить путешествіе въ Иерусалимъ; новыя семейныя несчастія; описаніе Горскимъ рукописей; смерть Ѳ. А. Голубинскаго, смерть его (Горскаго) отца; раздѣленіе одной кафедры церковной исторіи на двѣ; приглашеніе Горскаго оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода на службу въ канцелярію Синода; пребываніе его въ Петербургѣ на юбилейномъ праздникѣ духовной Академіи; порученіе митрополита Филарета составить записку о нежелательныхъ бѣлыхъ священникахъ и рукоположеніе Горскаго въ священныи санъ; пребываніе его въ петербургскомъ комитетѣ по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній; несостоявшаяся командировка Горскаго на Востокъ для умиротворенія греческой и болгарской церкви, — назначеніе его въ ректоры Академіи; предложеніе митрополита Филарета Горскому принять монашество; проектъ изданія Академіей „церковно-библейскаго словаря“; кончина митрополита Фи-

ларета; устройство Горскимъ домовою церкви въ Академіи; переустройство академическихъ порядковъ подъ руководствомъ Горскаго, по уставу 1869 года; участіе его въ планахъ митрополита Иннокентія касательно присоединенія раскольниковъ къ церкви; смерть его матери и смерть самаго А. В. Горскаго (I-я часть занимаетъ 289 стр.). Часть II и послѣдняя содержитъ въ себѣ слѣдующее: описываетъ отношенія А. В. Горскаго къ Филарету Гумилевскому до смерти послѣдняго, къ Евсевию Орлинскому (впослѣдствіи архіепа. Могилевскому) за все время, пока продолжались эти отношенія, — къ Ѳ. А. Голубинскому и Делицыну, какъ сослуживцамъ Горскаго, а также къ прочимъ академическимъ его сослуживцамъ; затѣмъ здѣсь же описываются отношенія его къ ректорамъ Академіи и его собственныя отношенія, какъ ректора, къ профессорамъ, къ студентамъ (къ этимъ послѣднимъ и какъ профессора и какъ ректора); здѣсь же дается мѣсто указанію отношеній Горскаго къ начальникамъ митрополитамъ; въ заключеніе второй части авторъ анализируетъ отношенія А. В. Горскаго къ родственникамъ и родителямъ и разъясняетъ такіе тезисы: Горскій въ его сочиненіяхъ и — какъ сложился характеръ Горскаго. (III часть занимаетъ 272 стр.).

Сочиненіе имѣетъ въ виду удовлетворить слѣдующему требованію, заявленному преосвящ. Николаемъ, инициаторомъ разсматриваемой темы, соизволившимъ назначить за удовлетворительное выполненіе ея премію. Именно онъ писалъ въ Совѣтъ Академіи: „лично для меня было бы желательно, чтобы составитель біографіи остановился своимъ вниманіемъ не столько на научной оцѣнкѣ трудовъ почившаго (Горскаго), сколько на изображеніи его высоконравственной личности. Отношенія А. В. Горскаго къ своимъ архипастырямъ (Филарету и Иннокентію), къ своимъ родственникамъ, въ особенности къ матери, къ наставникамъ и студентамъ Академіи на столько поучительны, что, думаю, не безъ пользы

прочитываются всякимъ, особенно же учащеюся молодежью. Впрочемъ все это я высказываю только какъ свое „*pium desiderium*“ . (Журналы совѣта М. Д. Академіи за 1893 г. стр. 5).

Этому требованію, насколько возможно было въ положеніи автора сочиненія, онъ удовлетворяетъ второю частію сочиненія; что же касается первой части, то, по признанію г. Попова, она мало подходитъ подъ указанное требованіе. Поповъ говоритъ: „въ предыдущей (т. е. I-й) исторической части своего сочиненія намъ почти вовсе не приходилось касаться внутренней стороны жизни Александра Васильевича, проявленій его собственнаго духа“ (стр. 150). Но если это и такъ (намъ же кажется, что авторъ въ указанныхъ словахъ преувеличенно характеризуетъ свойства первой части), то во всякомъ случаѣ безъ нея обойтись при составленіи біографіи было невозможно. Да и нужно помнить, что преосв. Николай вышеприведенное свое требованіе представляетъ какъ *pium desiderium*, а не какъ *conditio sine qua non*...

Сочиненіе г. Попова не безъ недостатковъ. Несомнѣнно авторъ воспользовался не всѣмъ матеріаломъ, съ которымъ долженъ имѣть дѣло истинный ученый біографъ Горскаго (если такового когда нибудь дождемся). Не многіе останутся довольны авторскимъ раскрытіемъ тезисовъ: „А. В. Горскій въ его сочиненіяхъ—и какъ сложился характеръ Горскаго“; но нужно сказать, что оцѣнка литературной дѣятельности Горскаго и уясненіе его личнаго характера, кѣмъ бы ни были выполнены эти задачи, едва ли когда удовлетворятъ большинство почитателей Горскаго (дѣло это слишкомъ трудное). Авторъ едва ли правъ, когда очень низко цѣнитъ, какъ домашнее воспитаніе Горскаго (10 стр. на оборотѣ), такъ и академическое его образованіе (стр. 60 обор.). Не можемъ извинить автора, когда онъ въ двухъ мѣстахъ своего сочиненія приписываетъ Горскому оставленіе такого произведенія, котораго этотъ никогда не писалъ (стр. 174 сл. 223). Разумѣетъ „Исторію собора Константино-

подъѣскаго. Имъ вселенскаго шестагого. Если бы авторъ взялъ въ руки тотъ томъ „Христіанскаго Чтенія“, въ которомъ напечатана эта статья и посмотрѣлъ на нее, руководимымъ вѣнскимъ оловы его распоряженіи свѣдѣніями объ участіи Горскаго въ этомъ томѣ, то онъ увидѣлъ бы, что Горскому въ данномъ томѣ „Христіанскаго Чтенія“ принадлежитъ совсѣмъ другая статья; а не эта. Эта же, сколько знаемъ, написана Иваномъ, въ послѣдствіи епископомъ Смоленскимъ. Авторъ не можетъ извинять и то обстоятельство, что онъ ошибся, повторяя чужую ошибку (Прибавл. къ Твор. св. отецю т. 37, стр. 759; ошибка С. К. Смирнова), потому что авторъ самою могъ бы исправить ошибку; но не сдѣлалъ этого. Авторъ также неправильно указываетъ время и мѣсто появленія статьи Горскаго: „Притязанія анологета“ (стр. 228 обор.). Не понимаемъ, почему авторъ племянницу Горскаго всегда именуешь ея отчею фамилією (Губастова); а не мужнею (Салманова). Языкъ сочиненія не вездѣ одинаково удовлетворителенъ.

Но съ другой стороны сочиненіе имѣетъ много и достоинствъ. Оно написано большею частію на основаніи рукописнаго матеріала; собраніе и разборка котораго требовали много времени и труда, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ матеріаловъ, какими пользовался авторъ, существуютъ въ видѣ клочковъ и фрагментовъ. Матеріаловъ подъ руками автора было много, но онъ пользуется ими очень экономно, чтобы безъ мѣры не расширять сочиненіи и безъ нужды не повторять того, что уже издано раньше и стало общезвѣстнымъ. Очеркъ біографіи А. В. Горскаго у автора вышелъ и достаточно характеристиченъ. Видно, что авторъ работалъ надъ темою съ вродушевленіемъ. Къ чести его нужно сказать, что онъ пишетъ безъ того искусственнаго подъема духа, который такъ неприятно дѣйствуетъ на читателя и вообще на свѣжаго человѣка, являясь принадлежностью панегириковъ. Пресвященный Николай желаетъ, чтобы написана была такая біографія А. В.

Горскаго, которая не безъ пользы прочиталась бы (въ случаѣ напечатанія ея) особенно учащуюся молодежь. Сочиненіе же г. Попова, нѣтъ сомнѣнія, удовлетворитъ не только учащуюся молодежь, но и людей болѣе требовательныхъ. Съ своей стороны я нахожу, что и для людей, знавшихъ лично Горскаго и достаточно о немъ читавшихъ, отыщется въ трудѣ Попова не мало новаго и любопытнаго. По крайней мѣрѣ таково мое собственное впечатлѣніе. Сочиненіе С. Попова вполне удовлетворительно для искомой имъ степени кандидата.

Ординарнаго профессора Митрофана Муретова:

1. О сочиненіи студента *Ивана Добролюбова*: Св. Іаковъ братъ Господень и его посланіе.

Это небольшое сочиненіе (225 стр.) состоитъ изъ восьми главъ или параграфовъ, изъ коихъ первые четыре посвящены вводнымъ (исагогическимъ) вопросамъ, а четыре послѣдніе — истолковательному обзорѣ посланія: въ первомъ содержится изслѣдованіе вопроса о личности писателя посланія (стр. 1—46), во второмъ (стр. 47—83) излагаются свидѣтельства древне-церковныя о посланіи Іакова и сужденія о немъ новѣйшихъ западныхъ богослововъ, въ третьемъ (стр. 85—123) говорится о времени и поводѣ написанія посланія и о первоначальныхъ его читателяхъ, въ четвертомъ рѣчь идетъ о наименованіи и содержаніи посланія (стр. 125—135); съ пятаго параграфа начинается вторая половина сочиненія, содержащая обзоръ вѣроученія и (частію) нравоученія посланія въ такомъ порядкѣ: ученіе о Богѣ, о лицѣ Спасителя, о спасеніи, о сущности христіанства (пятый параграфъ, стр. 138—164), объ оправданіи и значеніи вѣры и дѣлъ (параграфъ шестой, стр. 165—190), сравненіе ученія ап. Іакова и ап. Павла о вѣрѣ и дѣлахъ (седьмой параграфъ, стр. 191—216) и конспективно указанное нравоученіе св. ап. Іакова (восьмой параграфъ, стр. 217—225).

Въ сочиненіи имѣются нѣкоторые впрочемъ совершенно естественные и для восьмимѣсячной работы студента даже отчасти неизбѣжные недостатки, какъ въ отношеніи полноты и основательности изученія обширной древней и особенно новѣйшей иностранной литературы и научныхъ по себѣ, такъ и въ отношеніи полноты изслѣдованія предмета, особенно по филологическому экзегезу и по критикѣ текста.

Но если справедливая оцѣнка всякаго труда должна состоять въ указаніи и опредѣленіи, главнымъ образомъ, того, что есть въ трудѣ, то въ сочиненіи г-на Добролюбова имѣются слѣдующія достоинства:

1) Для составленія вводной или исагогической части сочинитель изучилъ и дѣльно воспользовался всѣми, наиболее достойными того, обще-исагогическими пособиями иностранными, провѣривъ по первоисточникамъ ихъ ссылки и на основаніи такой провѣрки далъ всему исагогическому изслѣдованію своему строго-православное направленіе.

2) Для составленія истолковательнаго обзорѣнія посланія сочинитель воспользовался, какъ наиболее извѣстными и употребительными новѣйшими иностранными пособиями, такъ и трудами Икуменія, Евѣимія Зигабина, Теофилакта, а въ частныхъ нѣкоторыхъ вопросахъ—Златоуста, Кирилла Александрійскаго, Августина и др.

3) Какъ на особенность труда надо указать на обдуманность и краткость изложенія дѣла, вслѣдствіе чего сочиненіе на 225 страницахъ содержитъ довольно много дѣльныхъ разсужденій и научнаго матеріала, а также на чистоту русскаго богословскаго языка, за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ духу русскаго богословскаго языка не соответствующихъ выраженій особенно иностранныхъ.

4) По указаннымъ достоинствамъ своимъ трудъ г-на Добролюбова представляетъ *разсужденіе*, вполне удовлетворительное для ученой степени кандидата Богословія.

2. О сочиненіи студента *Василія Покровскаго*: Посланіе св. Апостола Павла къ Колоссянамъ.

Это сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей: вводной (исагогической) и толковательной (экзегетической). Въ первой части сообщаются свѣдѣнія о Колоссахъ (стр. 1—45), о Колосской церкви (45—68), о мѣстѣ, времени, поводѣ, цѣли написанія посланія и подлинности (стр. 69—271). Вторая часть представляетъ послѣдовательный комментарий на первую главу посланія (стр. 272—514).

Для составленія своего труда сочинитель основательно изучилъ и подвергъ тщательному разбору новѣйшія западныя работы по исагогикѣ посланія (особенно Гольцманна) въ первой части своего сочиненія, — а во второй, кромѣ наиболѣе извѣстныхъ западныхъ экзегетическихъ пособій, авторъ широко воспользовался древними православными истолковательными трудами Златоуста, такъ называемаго Амвросіаста (впрочемъ по Теофану), Теодорита, Икуменія, Теофилакта и нѣк. др.

Изложеніе въ общемъ довольно правильное, ясное и духу богословскаго языка соответствующее, хотя имѣются исключенія, особенно во второй части, которая и въ другихъ отношеніяхъ много уступаетъ первой.

Несмотря на свою незаконченность и нѣкоторую неполноту въ изслѣдованіи предмета, особенно текстуальной и филологической стороны дѣла, сочиненіе г-на Покровскаго представляетъ *работу*, вполне достойную ученой степени кандидата богословія.

Экстра-ординарнаго профессора Николая Каптерева о кандидатскомъ сочиненіи студента священника *Симеона Никольскаго*.

Сочиненіе студента священника Симеона Никольскаго, подъ заглавіемъ: „Что сходнаго и несходнаго представляло состояніе цркви Антіохійской и Константинопольской времени Іоанна Златоуста (по сочиненіямъ сего послѣдняго)“, состоитъ изъ введенія, самаго изслѣдованія и заключенія.

Во введеніи авторъ заявилъ, что онъ пользуется сочиненіями Златоуста только въ русскомъ переводѣ, сдѣлавъ критическія замѣтки по поводу различныхъ мнѣній о годѣ рожденія Златоуста, дѣлаетъ въ хронологическомъ порядкѣ перечень всѣхъ тѣхъ сочиненій Златоуста, какія написаны имъ въ Антиохіи и какія въ Константинополѣ.

Самоо изсѣдованіе автора раздѣляется на два отдѣла, каждый отдѣлъ на двѣ части, каждая часть на главы, которыхъ во всемъ сочиненіи семнадцать. Первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ краткія свѣдѣнія изъ исторіи Антиохійской церкви до времени Іоанна Златоуста и затѣмъ подробное изложеніе нравственно-религіознаго состоянія Антиохійскаго клира, монашества и всего общества, насколько объ этомъ говорятъ сочиненія Златоуста. Во второмъ отдѣлѣ авторъ сдѣлалъ краткія замѣчанія о самомъ Константинополѣ и исторіи Константинопольской церкви, подробно изображаетъ, по сочиненіямъ св. Іоанна Златоуста, религіозно-нравственное состояніе Константинопольскаго клира, монашества и всего Константинопольскаго общества. Въ заключеніи авторъ, повторяя ранѣе сказанное, коротко отмѣчаетъ сходство и несходство въ состояніи церквей Антиохійской и Константинопольской во время Златоуста.

Сочиненіе о Никольскаго, обширное по объему (1100 стр.), представляетъ собою результатъ старательнаго и добросовѣстнаго изученія сочиненій св. Іоанна Златоустаго въ русскомъ переводѣ. Авторъ извлекъ и сгруппировалъ въ принятомъ имъ порядкѣ все, что нашелъ въ сочиненіяхъ Златоуста для отвѣта на данную ему тему, такъ что все его сочиненіе представляетъ собою по большей части буквальные выдержки изъ сочиненій Златоуста, уясняющія ту или другую сторону религіозно-нравственной жизни церковью Антиохійской и Константинопольской и имѣетъ, поэтому, характеръ описательный, почти совсѣмъ не давая мѣста научному анализу. Понятное увлеченіе великими ораторскими произведеніями

св. Іоанна Златоуста заставило автора, и очень нерѣдко, дѣлать болѣе обширныя выписки изъ сочиненій Златоуста, нежели это требовалось существомъ дѣла, отъ чего сочиненіе автора страдаетъ иногда растянутостію и, безъ серьезнаго ущерба дѣлу, могло бы быть сокращено противъ своего настоящаго объема.

Сочиненіе свящ. Никольскаго признаю заслуживающимъ степени кандидата богословія.

Экстра-ординарнаго профессора Григорія Воскресенскаго о кандидатскомъ сочиненіи студента *Николая Гальковского*: „Религіозно-нравственное міросозерцаніе Сербскаго народа по памятникамъ народнаго творчества“.

Въ предисловіи къ своему обширному (въ 508 стр.) труду, авторъ послѣ общихъ замѣчаній о характерѣ и значеніи устной народной словесности, обозначаетъ планъ своего сочиненія. „Задавшись цѣлію изучить вѣрованія и воззрѣнія Сербовъ, т. е. сдѣлать характеристику сербскаго народа, мы — говоритъ авторъ — главное свое вниманіе должны обратить на эпическую поэзію, которая наглядно, въ дѣйствиіи изображаетъ событія и къ тому же касается общенародныхъ вопросовъ, а потому представляетъ и болѣе обильный матеріалъ для характеристики народа. Сдѣлавъ замѣчаніе о сербскихъ пѣсняхъ вообще, для полноты очерка вкратцѣ мы упомянемъ о пѣсняхъ женскихъ, т. е. лирическихъ. Затѣмъ будетъ сдѣлано указаніе на важнѣйшіе факты сербской исторіи, отразившіеся въ устной сербской литературѣ. Затѣмъ мы перейдемъ къ характеристикѣ религіозныхъ вѣрованій вообще и вѣрованій въ святыхъ в частности, включивъ сюда главу о богомилствѣ, имѣвшемъ широкое распространеніе на Балканскомъ полуостровѣ въ XI и XII вѣкахъ. Остановившись на Маркѣ Краевичѣ, какъ носителѣ національныхъ сербскихъ идеаловъ, мы перейдемъ къ Косовской битвѣ и гайдучеству, которыя такъ ярко изображаютъ сербскій народъ въ минуту

неволи и рабства. Последняя глава будет посвящена разсмотрѣнiю отношенiй Сербовъ къ Россiи и православию; для насъ, русскихъ, интересно и важно знать, какъ смотрятъ Сербцы на своихъ соплеменниковъ и вчастности на насъ, русскихъ. Такимъ образомъ въ нашу характеристику войдутъ почти всѣ стороны сербскаго народа“ (стр. 9—10). Таковъ планъ автора. Какъ же г. Гальковский выполнилъ свой планъ?

Прежде всего должно отмѣтить, что авторъ не раздѣляетъ своего оочиненiя на части, отдѣлы или главы, а предлагаетъ рядъ отдѣльныхъ очерковъ (до 20-ти счетовъ), каждый съ своимъ заглавiемъ. Первый очеркъ (стр. 11—22) „Общiя замѣчанiя о сербской народной пѣснѣ. Пѣсни женскiя“ предлагаетъ краткую и общую характеристику сербскихъ пѣсней и въ такомъ видѣ серьезнаго значенiя для главной цѣли автора имѣть не можетъ. Второй очеркъ (стр. 23—46) „политическая исторiя Сербовъ“, послѣ замѣчанiй объ условiяхъ зарожденiя и процвѣтанiя эпической поэзи до паденiя и послѣ паденiя сербскаго государства, представляетъ краткiй перечень главныхъ историческихъ фактовъ. Третiй очеркъ (стр. 47—74) „влiянiе миеологiи на религиозныя воззрѣнiя Сербовъ“ даетъ характеристику сербскихъ виль, по изслѣдованiямъ Афанасьева, Веселовскаго и др. и образчики пѣсней о вилахъ. Сербскiя пѣсни и далѣе нерѣдко цѣликомъ приводятся въ русскомъ переводѣ самаго автора. Всѣ эти очерки составляютъ развѣ какъ бы введенiе къ главному предмету изслѣдованiя. Слѣдующiе очерки (стр. 75—184) носятъ заглавiя: „Среча и Усуд“ (счастiе, доля и рокъ, судьба). „Загробное воздаянiе“. „Вѣрованiя въ святыхъ“. „Вѣрованiя въ ангеловъ“. „Иоаннъ Креститель“. „Пророкъ Илья“. „Св. Георгiй Побѣдоносецъ“. „Св. Николай“. „Св. Сава“. „Алексѣй Божiй человекъ“. „Св. Апостоль Петръ“. „Пятница и Недѣля“. Авторъ задается здѣсь цѣлью отмѣтить, какъ отразилось

въ народномъ сознаніи то или другое вѣрованіе, та или иная личность святаго и обыкновенно приводитъ на каждый случай соотвѣтствующія пѣсни. Въ очеркѣ: „св. Георгій Побѣдоносецъ“ (стр. 157—165) говорится между прочимъ о сербскомъ обычаѣ празднованія „славы“.

На стр. 199—237 въ очеркѣ „Богомилство“ авторъ кратко говоритъ о происхожденіи, характерѣ и вѣроученіи богомиловъ по изслѣдованіямъ Веселовскаго, Кириичикова и др. Къ сожалѣнію авторъ почти совсѣмъ не коснулся вопроса о народномъ значеніи богомильскаго движенія у южныхъ славянъ. — Богомилствомъ авторъ заканчиваетъ обзоръ религіознаго міросозерцанія сербскаго народа. Къ какимъ же результатамъ пришелъ авторъ? „Изъ болѣе или менѣе подробнаго обозрѣнія отдѣльныхъ вѣрованій—говоритъ онъ—видно, что сербскому народу присуще тоже двоевѣріе, за которое упрекали насъ наши пастыри-писатели. Будучи принесено народу полудикому, христіанство не могло сразу вытѣснить язычества. Языческія воззрѣнія долго жили совместно съ христіанскими въ народномъ представленіи. Язычество сказывается даже и теперь въ произведеніяхъ народной литературы и обрядѣ, наслѣдіяхъ сѣдой старины. Но языческія преданія въ настоящее время совершенно утратили свой первоначальный смыслъ. Христіанскія воззрѣнія настолько наложили свою печать на всѣ воззрѣнія Сербовъ (что должно сказать и о другихъ славянахъ), что нѣтъ никакой возможности составить себѣ болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о языческихъ вѣрованіяхъ Сербовъ. И если гдѣ могутъ быть безконечныя разногласія въ наукѣ, такъ это по вопросу о языческой религіи славянъ“ (стр. 234—235). Поэтому-то, можетъ быть, анализъ и систематическое изложеніе религіозныхъ вѣрованій Сербовъ авторъ замѣняетъ болѣею частію пересказомъ или переводомъ относящихся къ каждому отдѣльному очерку народныхъ пѣсенъ. Изложеніе религіознаго міросозерцанія, на-

сколько, конечно, оно возможно по памятникамъ народнаго творчества, должно бы непосредственно связываться съ системой нравственнаго міросозерцанія. Но, не выработавъ себѣ надлежащаго плана или же руководясь своимъ собственнымъ не вполне соответствующимъ темъ планомъ, авторъ отдѣляетъ ту и другую сторону народнаго міросозерцанія вставкою четырехъ очерковъ политико-историческаго характера подъ заглавіями: „Марко Кралевичъ“. „Косовская битва“. „Гайдучество“. „Взглядъ Сербовъ на Россію и Русскихъ“ (стр. 239—486). Нельзя сказать, что эти очерки совершенно лишніе, но надлежащее мѣсто имъ въ введеніи или въ обзорѣ матеріала и литературы вопроса (а именно у автора-то и нѣтъ обзорѣнія ни источниковъ, ни пособій по его вопросу!). Помѣщать же въ *исследование* о религіозномъ и нравственномъ міросозерцаніи очерки бытовой и политической жизни Сербовъ не представляется умѣстнымъ. Да авторъ и самъ наказалъ себя, когда вынужденъ былъ, благодаря отсутствію единства плана, говорить о политическомъ положеніи Сербовъ въ XIV вѣкѣ чуть ли не въ четырехъ мѣстахъ своей диссертациі. Последний очеркъ (стр. 487—508) „нравственное міросозерцаніе сербскаго народа“. Но такъ какъ въ предшествующемъ обзорѣ сербскихъ пѣсенъ нравственный элементъ не отдѣлялся отъ другихъ элементовъ: религіознаго, соціальнаго и политическаго, то этотъ очеркъ представляетъ мало новаго матеріала, а состоитъ главнымъ образомъ изъ общихъ выводовъ, сдѣланныхъ на основаніи сказаннаго раньше (отмѣчаются по народнымъ пѣснямъ усвоеніе народомъ христіанскихъ началъ нравственности, уваженіе семейныхъ добродѣтелей, распространенные въ Сербіи обычаи кумовства, вобратимства, посестримства и т. д.).

Анализъ сочиненія г. Гальковскаго приводитъ къ тому результату; что матеріала собрано авторомъ достаточно для рѣшенія поставленнаго имъ вопроса, но матеріаль этотъ

не систематизированы надлежащимъ образомъ. Ближайшая задача автора требовала бы нѣсколько иной постановки всего плана. — Но авторъ видимо основательно знакомъ съ произведеніями сербской народной поэзіи и исторіи и свои свѣденія въ этой области пожелалъ предложить въ диссертациі, чрезъ что привнесъ довольно много лишняго матеріала, вредно отзывающагося на стройности и единствѣ плана. Само по себѣ это знакомство и изученіе сербскаго эпоса, сказавшееся и въ умѣломъ переводѣ сербскихъ писенъ на русскій языкъ, должно быть поставлено въ похвалу автору. Изложеніе отличается ясностью и истинною языкомъ, но, въ сожалѣнію, переписчиками допущено нѣмало орфографическихъ ошибокъ. Для полученія кандидатской степени сочиненіе г. Гальковского можетъ быть признано удовлетворительнымъ.

Экстра-ординарнаго профессора Ивана Корсунскаго:

1) О сочиненіи *Димитрія Брянцева*, „Царствованіе императора Алексѣя перваго Комнина (въ церковно-историческомъ отношеніи. (Опытъ историко-критическаго изслѣдованія)“). Сочиненіе г. Брянцева состоитъ изъ предисловія (стр. III—X), введенія (XI—XXV) и шести главъ изслѣдованія (1—762). Эти шесть главъ заключаютъ въ себѣ слѣдующее: гл. I. Вступленіе Алексѣя Комнина на престолъ. Обстоятельства этого событія и первые шаги Алексѣя какъ императора (стр. 1—71); гл. II. Патриархъ Евстратій Гаррида. Левъ, митрополитъ Халкидонскій, и его дѣло (71—123); гл. III. Ипать философовъ Іоаннь Италъ (стр. 129—350); гл. IV. Избраніе на патриаршество Николая III Грамматика. Окончаніе дѣла Іоанна Итала. Продолженіе и окончаніе дѣла Льва, митрополита Халкидонскаго (стр. 351—478); гл. V. Исторія отношеній императора Алексѣя къ павлиніанамъ и богомиламъ. Вѣроученіе и правоученіе богомиловъ (стр. 470—625) и гл. VI. Великое паденіе аеонскихъ

монаховъ. Болѣзнь и смерть патріарха Николая Грамматика: Краткая характеристика этого патріарха. Евстратій, митрополитъ Никейскій, и его заблужденія (стр. 625—762). Въ предисловіи авторъ раскрываетъ значеніе царствованія Алексѣя Комнина (1081—1118 гг.) и задачу своего изслѣдованія, ограничивая послѣднюю изложеніемъ событій внутренней жизни церкви и имперіи Византійской за это царствованіе и не касаясь даже такихъ крупныхъ событій вѣковой жизни и отношеній той и другой, какъ первый крестовый походъ (1096 г.) или попытки къ соединенію церквей — восточной и западной, въ коихъ Алексѣй Комнинъ принималъ большое и живое дѣятельное участіе. — Въ введеніи же сочинитель считъ нужнымъ изложить событія изъ жизни Алексѣя Комнина, предшествовавшія воцаренію его, и сообщить хотя краткія свѣдѣнія о родѣ Комниныхъ.

Не смотря на помннутое сейчасъ ограниченіе задачи изслѣдованія, не смотря на то, что и при этомъ ограниченіи сочиненіе г. Брянцева вышло очень большимъ по объему, оно все же осталось не вполне оконченнымъ. Объ этомъ самъ же г. Брянцевъ въ особой припискѣ къ послѣдней главѣ (стр. 762) замѣчаетъ, что, по его плану, къ изложенному въ шести главахъ изслѣдованія нужно было бы еще присоединить общіе обзоры о состояніи просвѣщенія, богословской науки, а также и о нравственномъ состояніи общества, чего, по недостатку времени, какъ онъ утверждаетъ, не сдѣлалъ онъ, такъ что въ заключеніе своего труда въ теперешнемъ его видѣ онъ могъ воспользоваться только тѣмъ обстоятельствомъ, что примиреніе Евстратія Нисейскаго съ церковію состоялось въ 1117 году, чтобы при семъ указать, что въ слѣдующемъ 1118 году императоръ Алексѣй и умеръ“ (стр. 762).

Кромѣ этой незаконченности труда г. Брянцева, мы не можемъ не указать и на нѣкоторые другіе его недостатки.

Сюда, прежде всего, относится недостатокъ стройности, выражающійся въ неравномѣрномъ распредѣленіи церковно-историческаго матеріала по главамъ изслѣдованія, какъ это отчасти видно и на вышеуказанномъ числѣ страницъ, удѣленныхъ каждой главѣ. Правда, такая неравномѣрность объясняется частью хронологическимъ порядкомъ, который взялъ авторъ въ основаніе своего изслѣдованія, частью же особенностями интереса содержанія той или другой главы. Однако мы не можемъ не замѣтить, что нѣкоторыя части содержанія одной главы легко могли бы войти въ составъ содержанія другой и тѣмъ уравновѣсить объемъ ихъ. Такъ, напримѣръ, продолженіе и окончаніе дѣла митроп. Льва изъ четвертой главы могло бы быть перенесено во вторую, такъ же какъ и все дѣло Іоанна Итала могло бы быть соединено въ одну главу; введеніе, безъ всякой натяжки, могло бы войти въ составъ содержанія той главы, и т. д. За тѣмъ, встрѣчаются по мѣстамъ крайности и преувеличенія въ сужденіи о тѣхъ или другихъ предметахъ (какъ напр.: на стр. 88-й при изображеніи состоянія разныхъ словъ Византійскаго общества, на стр. 418—въ сужденіи объ отношеніи митроп. Льва къ Аристотелеву ученію и др.), повторенія (напр. на стр. 588, 606; по сравненію съ прежде сказаннымъ о томъ же); нѣкоторыя неясности (напр. стр. 31—мать и мать—чья въ томъ и другомъ случаѣ?—стр. 97—монеть какихъ? и т. д.), даже противорѣчія (стр. 90—91 о митроп. Львѣ по сравненію съ прежде сказаннымъ; стр. 253—объ Аниѣ Комнинѣ и Акоминатѣ по сравненію съ сказаннымъ на стр. 242 и др.), историческія недоразумѣнія (напр. на стран. VI относительно жнимыхъ писемъ Алексѣя Комнина, вызвавшихъ будто бы крестовый походъ; на стр. 92 относительно подставнаго лица, замѣнявшаго собою императора Михаила Парасинака и нѣк. др.) и т. д.

Но все эти и нѣкоторыя иные недостатки, почти неиз-

бѣжны въ работѣ срочной и къ тому же столь обширной, подождительно исчезаютъ въ обилии добрыхъ впечатлѣній, поддаваемыхъ отъ чтенія разсматриваемаго сочиненія.)

Прежде всего, трудъ г. Бранцева есть въ сущности зрѣлый и хорошо продуманный опытъ учета церковно-историческаго и притомъ именно „историко-критическаго“ изслѣдованія, потребовавшій отъ автора большой затраты силъ и времени на предварительное изученіе обширной литературы предмета, иностранной (на греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ) и русской. И г. Бранцевъ не только изучилъ ее, но и вполне овладѣлъ ею, такъ что могъ совершенно самостоятельно отнестись къ предмету изслѣдованія, который, при томъ, очевидно, горячо полюбилъ и ясно представлялъ себѣ, не смотря на обширность его объема. Къ тому же и самый предметъ изслѣдованія, не имѣя для себя спеціальнаго изслѣдованія ни въ иностранной, ни въ русской литературѣ (извѣстный трудъ проф. Скабаллановича достигаетъ только до начала царствованія Алексѣя Комнина) и потому будучи не легкимъ для изслѣдованія, а чрезъ то еще болѣе возвышающимъ достоинство труда надъ его разработкою, представляетъ въ себѣ глубокий историческій интересъ, какъ по тѣмъ лицамъ, которыя были главными дѣйствующими лицами за время 1081—1148 годовъ, такъ и по событіямъ того же времени. Для этого достаточно вспомнить, съ одной стороны, самаго императора Алексѣя Комнина, который явилъ себя и искуснымъ полководцемъ, и мудрымъ администраторомъ и глубокимъ богословомъ (въ дѣлѣ павликіанъ и богомиловъ), — возсѣдавшего въ продолженіе 27 лѣтъ на патріаршемъ престолѣ Николая III Грамматика, который былъ человѣкомъ и свѣтлаго ума, и высокой жизни и духовной опытности (особенно въ дѣлѣ аеонскихъ монаховъ это обнаружилось, — Иоанна Итала, преемствовавшего въ званіи ипата философовъ знаменитому Михаилу Пселлу и прославившаго себя не менѣе